

М. Аркадьев

**ЯЗЫК
КАК
КАТАСТРОФА**

(ЭСКИЗЫ АНТРОПОЛОГИИ АБСУРДА)

МОСКВА

2011

Выражаю благодарность тем, кто помогал мне своими обсуждениями, замечаниями, советами и поправками все годы работы над книгой: моим близким друзьям Вл. Генину, Г. Ревзину, Г. Гутнеру, А. Родину, К. Карзанову, М. Дзюбенко, Е. Дукову, О.Г. Ревзиной, А. Ахутину, М. Раку, Л. Акопяну, О. Осадчей, Н. Эскиной, Т. Куинджи, А. Дорману, Вл. Рубину, И. Азизян.

Я глубоко благодарен академику Вяч. Вс. Иванову за осуществленную им мою первую программную теоретическую публикацию и критические к ней замечания.

Благодарю Ф. Санникова за удачный термин «инъекция» в теории стадийных наложений, И. Нестеренко за метафору «архивированной речи», Д. Новгородову, Н. Костюрину за заинтересованное и энергичное оспаривание\обсуждение моих идей. Отдельная большая благодарность коллеге Е. Хозяйкиной за внимательное вычитывание текста, стилистические советы и неоценимую помощь в составлении именного указателя и глоссария.

Глубоко благодарен покойному другу моей мамы, старейшему сотруднику исторического факультета МГУ Владимиру Эльговичу Каминскому, прошедшему Отечественную войну от Москвы до Берлина, за его дружеские беседы со мной о жизни и поэзии, за дискуссии на темы истории и философской антропологии, за мое, благодаря нашему общению, знакомство с теорией Б. Поршнева.

Приношу свои благодарности В.И. Молчанову, В. Анашвили, В. Кузнецову за многолетнюю интеллектуальную поддержку, а также моему школьному учителю французского языка, и, внешкольному, теории интертекстуальности М. Ямпольскому.

Благодарю А. Линде, Б. Гаспарова, М. Эпштейна, А. Левича, А. Долгина, Л. Рубинштейна, Н. Генину, В. Леоновича за вдохновляющее общение. Благодарю А. Жолковского и Л. Панову за лингвистические советы, М. Маяцкого за редакторские советы. Благодарю профессора С.Е. Ячина за провоцирующие философские дискуссии, протоиерея К. Копейкина за подробное внимание к моим философским и музыковедческим работам, отца Я. Кротова за сократические беседы в эфире «Радио Свобода».

Благодарю давно ушедших моих учителей и друзей Л.А. Мазеля, М.Г. Харлапа, А.А. Александрова, а также многих анонимных и неанонимных оппонентов на философских форумах и в социальных сетях.

Благодарю моего покойного мэтра, гения русской музыки Г.В. Свиридова за опыт осмысления и переживания бесстрашия красоты.

Благодарю моего многолетнего партнера на мировой сцене Д.А. Хворостовского за опыт абсолютного музицирования и совместного владения музыкальным временем и звуком, за переживание сценического единства\одиночества.

Благодарю свою жену И.В. Аркадьеву за долгие годы поддержки и терпения, а также моих сыновей: Петра Аркадьева, за расширение моего лингвистического горизонта, Андрея Аркадьева, Антона Аркадьева за родственную поддержку и за смелые беседы на психологические, философские и жизненные темы.

Благодарю своего первого тестя А.Я. Гуревича за колоссальное влияние, оказанное на меня в юности его медиевистикой, влияние на все мое мышление и историческое ощущение, а также свою первую жену Е.А. Гуревич за пробужденный ею интерес к древним скандинавским языкам и письменности.

Благодарю своего покойного деда, художника Г.В. Аркадьева за рассказы о горных походах, о мире масляной живописи и гравюры. Благодарю О.А. Семихатову за привитое мне внимание к жизни и дыханию растений, за многолетнее теплое родственное участие.

Благодарю своего отца А.Г. Аркадьева за то, что он решался говорить со мной в детстве о специальной теории относительности, за любовь к поэзии и прозе Пушкина, к живописи Раннего Возрождения, к музыке Генделя и Баха.

С любовью и благодарностью посвящаю эту книгу моей покойной маме М.М. Аркадьевой, осужденной в 1949 по политической статье за чтение книг по философии древней Индии, чудом пережившей Лубянку, Бутырку, Казанскую тюрьму, и высылку в Среднюю Азию. Маме я обязан ранними экзистенциальными переживаниями, пробудившимся в детстве интересом к древнему индийскому эпосу, к философии, к теме смерти и бессмертия. Я бесконечно благодарен ей за привитую мне любовь к поэзии Серебряного века, к музыке Бетховена и Шопена, за ранний опыт медитации, за возникшую в наших долгих беседах метафору анестезии, за сердечный опыт сострадания, а также за опыт радикального жизненного и творческого выбора.

Благодарю Гарри Каспарова, Дмитрия Быкова, Григория Ревзина, Льва Рубинштейна, Матвея Ганапольского, Лану Ермияеву, Виталия Веркеенко без дружеской и интеллектуальной поддержки которых выход этой книги был бы невозможен.

Памяти моей мамы

Мариам Марковны Аркадьевой

ОГЛАВЛЕНИЕ

Эпиграфы _____
Краткое ненаучное предисловие _____
(прощание с мсье Жаком)

ТЕМА И ВАРИАЦИИ

Тема: Лингвистическая катастрофа _____

Вариация первая (структурно-историческая) _____

Вариация вторая (quasi-филологическая)

Язык и специфика человеческого бытия _____

Вариация третья (деконструктивно-биографическая) _____

Вариация четвертая (quasi-софиологическая)

Еретические отрывки в стиле «метафизики всеединства» _____

Вариация пятая («Апофеоз беспочвенности»)

Беспочвенность и ускользание _____

Вариация шестая (quasi-психологическая)

Генезис и парадоксы схоластической культуры. _____

Вариация седьмая (Прелюдия и fuga)

1. Большая прелюдия. Время и опыт Ничто _____

2. Малая fuga (двухголосная).

Трансцендентальная феноменология и музыка:

А. Веберн и Э. Гуссерль _____

Вариация восьмая (quasi-фонологическая)

Сладкое безмолвие мира или «архе-забвение» _____

МАРГИНАЛИИ

Маргиналий I («ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ») _____

Маргиналий II («ИММОРАЛЬНЫЙ») _____

Маргиналий III («ЭПИСТОЛЯРНЫЙ») _____

Маргиналий IV («ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ») _____

Маргиналий V («ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ») _____

Маргиналий VI («ЭВЕРЕТТИЧЕСКИЙ») _____

Маргиналий VII («ТЕМПОРОЛОГИЧЕСКИЙ») _____

Маргиналий VIII (О КСЕНОФОБИИ И ПРАФШИЗМЕ) _____

Маргиналий IX (ИНТЕРВЬЮ) _____

Summary _____

Глоссарий

Именной указатель

«... бифуркации и катастрофы – термины, описывающие возникновение дискретных структур из непрерывных»

В.И. Арнольд, Теория катастроф. М.1990

«Я говорил, что мир абсурден, но это сказано чересчур поспешно. Сам по себе мир просто неразумен, и это все, что о нем можно сказать. Абсурдно столкновение между иррациональностью и иступленным желанием ясности, зов которого отдается в самых глубинах человеческой души. Абсурд равно зависит и от человека, и от мира...».
А. Камю

«J'ose presque assurer que l'état de réflexion est un état contre nature et l'homme qui médite est un animal dépravé» Rousseau (*Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes*)

«Я утверждаю, что состояние рефлексии есть состояние противоприродное, и размышляющий человек это испорченное животное»
Ж.Ж. Руссо

«Итак, говоря вообще: сознание убивает жизнь... само сознание - болезнь»
Ф.М. Достоевский.

"Человеческие слова способны опрокинуть то, что выработала "первая сигнальная система" – созданные высшей нервной деятельностью условно-рефлекторные связи и даже врожденные, наследственные, безусловные рефлексы.

Она (вторая сигнальная система), как буря, может врываться в, казалось бы, надежные физиологические функции организма. Она может их смести, превратить в противоположные, разметать и перетасовать по-новому. [...] Нет такого биологического инстинкта в человеке, нет такого первосигнального рефлекса, который не мог бы быть преобразован, отменен, замещен обратным через посредство второй сигнальной системы - речи"
Б.Ф. Поршнев

Wo aber Gefahr ist wachst das Rettende auch
Где опасность, там и спасенье
Ф. Гёльдерлин

М.Аркадьев

Из книги

«ЯЗЫК КАК КАТАСТРОФА»

Язык и специфика человеческого бытия

«Вне человеческого существования пари абсурда немислимо:
в таком случае отсутствует одна из двух необходимых для тяжбы сторон».

А.Камю

«Человек на все способен! Это меня и настораживает»

Станислав Ежи Лец

«Если мы хотим бороться с фашизмом, то мы должны его понимать. Домыслы нам не помогут, а повторение оптимистических формул столь же неадекватно и бесполезно, как ритуальный индейский танец для вызывания дождя».

Э. Фромм

Нацистский, как впрочем, с несколько другим оттенком, и сталинистский опыт — это те эксцессы, которые свидетельствуют о глубинной природе, о самой сущности насилия в человеке как таковом.

Человек как вид — абсурден, катастрофичен и опасен для самого себя и для своей среды обитания. Но, только до конца понимая свою фундаментальную катастрофичность и опасность, отдавая себе полный отчет в своей абсурдной структуре, у человека есть шанс выжить и жить сносно. Но никогда не совершенно.

Опасность и абсурд всегда в самом человеке. Их нельзя безнаказанно загонять глубоко внутрь, или подменить благими намерениями, или идеализациями. Человек, как правильно заметил Ежи Лец, на все способен — и на «Илиаду», и на "Дон Кихота", и на собор Св. Петра, и на "Страсти по Матфею", и одновременно на Освенцим, на Гулаг, на Хиросиму, и на перманентный терроризм.

Но, именно поэтому — "там, где опасность, там растет и спасенье". Эта цитата из Гельдерлина так точна, красива, особенно на русском языке, что не могу удержаться и вновь ее не привести. Она означает, что самоидеализация — самое безнадежное, что ждет человека. Он стоит на краю пропасти постоянно.

Пропасть эту создал не он, и эта не та пропасть, которую можно чем бы то ни было засыпать (хотя мировые войны, Холокост и Гулаг — это как раз попытки засыпать трупами эту абсурдную пропасть).

Задача в том, чтобы удерживаться на краю и уметь там жить. Для этого необходимо постоянно видеть край пропасти. Эту функцию видения выполняют не все люди, это невозможно даже требовать.

Эту функцию видения (обязательно несовершенного, любые претензии на совершенство, кроме претензий поэтов, опасны) выполняют, прежде всего, критические философы (в том смысле, в каком я пытаюсь определить это понятие). А также функцию "коллективного видения" (несовершенного, но совершенства и нельзя требовать) выполняют процедуры цивилизованного суда, парламента, выборов, строго регламентированные процедуры разделения власти.

Мировая цивилизация поставила нас перед выбором — или последовательно выполненные демократические процедуры, со всеми их недостатками и опасностями — или постоянная структурная, подчеркиваю — СТРУКТУРНАЯ, опасность тотального государственного террора. Он страшней и безнадежней чем любой, самый оголтелый личный или групповой террор.

С индивидуальным и групповым террором люди могут бороться, трудно, с риском и потерями, но могут - в системе свободных (свободных структурно, процедурно, процессуально) государств, но тотальный централизованный террор государственной машины — абсолютное зло в этом самом относительном из всех миров.

Более того — трагический и неизбежный выбор, на который оказалось, к сожалению, обречена (совершенно объективно) цивилизация, это выбор между великой культурой и сносной жизнью для большинства. Выживание буржуа, со всей его слепотой, равнодушием, потребительством, и прочим (не только отрицательным) перестало быть тривиальностью после катастроф XX века.

И этот выбор осуществляется просто потому, что выживание человечества, человеческих детей, оказывается важнее, чем великая культура. Это трагично, я это переживаю как абсурдный и болезненный процесс, но я его принимаю и поддерживаю, так как у нас за плечами стоят Холокост и Колыма.

Человек и как индивид и как вид обременен сознанием, хочет он этого или нет. В основном не хочет, хотя полагает иначе. Человек обременен сознанием потому, что владеет языком и речью. Язык устроен так, что "заставляет" человека совершать акты рефлексии и объективации (основные акты сознания), причем помимо желания человека.

Структуры языка, ответственные за рефлексивность и сознание - так называемые в лингвистике "шифтеры", то есть личные местоимения я—ты (одни из самых парадоксальных элементов языка) и указатели типа "этот" "вот" "здесь" "сейчас" и пр.

Человек обременен языком и сознанием еще и потому, что язык существует в виде "внутренней речи" - то есть глубоко в мозгу, в психике, и работа, "бурление", "магма"¹ языка в основном, (когда человек не говорит непосредственно и не тематически мыслит) незаметна для него самого. Поэтому молчание любого типа и продолжительности не избавляет от глубинного слоя "внутренней речи". Хотя может создаться иллюзия, что это не так.

Человек, благодаря своему языку и сознанию (которое является только метафорой рефлексивности самой структуры языка и речи) принципиально опосредован, то есть, лишен непосредственности.

Человек неосознанно (чаще), или осознанно (реже), страдает от этой опосредованности и недостатка непосредственности.

Человек ищет различные способы преодоления или гармонизации этой опосредованности. Поиск этот и есть Культура, во всех ее проявлениях, от практики дзена до атомной бомбы.

Человек неизбежно на этом пути упирается в проблему сознания. Сознание мешает. Здесь и возникает логическая функция смерти - уничтожение сознания (а "изменение" сознания, то есть все теории «измененного сознания» в этой перспективе эквивалентны его уничтожению, ведь то, что получается при "изменении" сознания мыслится уже не как сознание в собственном смысле слова) приводит к неизбежности смерти и суицида (как логических категорий).

Почему? Потому что, пока человек ЖИВ, СОЗНАНИЕ НЕУНИЧТОЖИМО, так как является функцией языка и речи. А то и другое дано человеку в виде "внутренней речи" (по Выготскому это предельно "компактифицированный", "спрессованный", «архивированный» язык и речь, незаметный при обычном способе самонаблюдения).

Таким образом, в СЕРЬЕЗНОЙ, ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЙ попытке избавиться от сознания (от него самого, а не только от мифа о нем) человек упирается в необходимость избавиться от языка и речи. Поскольку это невозможно, человек довольно быстро и чаще совершенно неосознанно переходит к логике уничтожения тела, как носителя речи, то есть к логике смерти и суицида.

¹ Этим образом я обязан Г.Гийому

Не заболев тяжелой органической афазией человек, пока он жив, не в состоянии избавиться от "внутренней речи", даже в практиках типа дзена и им подобных. Он может только себя убедить, что это сделал. Но когда он чувствует, что этого не произошло, он приходит к идее суицида, или к тому, что называется немотивированным убийством.

Идея суицида не обязательно выражается непосредственно. Идея достижения "нирваны" - всего лишь метафора самоубийства. Так сказать - "отложенное" самоубийство. Но такая структура "отложенного суицида" - одно из самых распространенных явлений в человеческой культуре.

Более того, вполне возможно, что в большинстве своих исторических проявлений **КУЛЬТУРА ЕСТЬ ОТЛОЖЕННОЕ, ОТСРОЧЕННОЕ САМОУБИЙСТВО.**

Вспомним о концепции (гипотезе) языковой относительности Сепира-Уорфа. Она является следствием полевых лингвистических исследований разных языков, но, прежде всего языков и культуры американских индейцев. Эти исследования показали, во-первых, что по развитости и сложности структуры эти языки ни в чем не уступают европейским, а иногда и превосходят их.

Кроме того, оказалось, что некоторые ключевые понятия, которые кажутся нам универсальными человеческими понятиями (а также все понятийные системы от Аристотеля до Канта), например, бытие, пространство (топос), время и т.п. в большой степени зависят ОТ ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЫ. Например, глагольная система племени хопи устроена так, что в их культуре (до встречи и общения с другой культурой и языками) невозможно говорить о времени как о некоей длительности, безразличной к наполняющим его событиям. То же самое – пространство. Уорф писал²:

«Мыслительный мир хопи не знает воображаемого пространства. Человек, говорящий на языке хопи стал бы предполагать, что он сам или его мысль путешествует вместе с розовым кустом, или с ростком маиса, о котором он думает. Мысль эта должна оставить какой-то след на растении в поле». «Можно выделить некий объект действительности, обозначив его – «это падающий источник». Язык апачей строит это выражение на глаголе «быть белым», с помощью префикса, который приносит значение действия, направленного вниз: белизна движется вниз... утверждение представляет собой следующее соединение: “подобно воде, или источнику, белизна движется вниз”. Как это непохоже на наш образ мышления!»

² Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. — М., 1960. — Вып. 1. Уорф Б. Наука и языкознание. *Новое в лингвистике*. Там же.

«Каждый нормальный человек, вышедший из детского возраста, обладает способностью говорить и говорит. Именно поэтому каждый независимо от образования пронесет через всю свою жизнь некоторые хотя и наивные, но глубоко укоренившиеся взгляды на речь и на ее связь с мышлением. Поскольку эти воззрения тесно связаны с речевыми навыками, ставшими бессознательными и автоматическими, они довольно трудно поддаются изменению и отнюдь не являются чем-то сугубо индивидуальным или хаотичным - в их основе лежит определенная система. Поэтому мы вправе назвать эти воззрения системой «естественной логики». Этот термин представляется мне более удачным, чем термин "здравый смысл" (common sense), который часто используется с тем же значением.

Согласующийся с законами «естественной логики» факт, что все люди с детства свободно владеют речью, уже позволяет каждому считать себя авторитетом во всех вопросах, связанных с процессом формирования и передачи мыслей. Для этого, как ему представляется, достаточно обратиться к здравому смыслу и логике, которыми он, как и всякий другой человек, обладает. «Естественная логика» утверждает, что речь - это лишь внешний процесс, связанный только с сообщением мыслей, но не с их формированием. Считается, что речь, т.е. использование языка, лишь "выражает" то, что уже в основных чертах сложилось без помощи языка.

Формирование мысли - это якобы самостоятельный процесс, называемый мышлением или мыслью и никак не связанный с природой отдельных конкретных языков. Грамматика языка - это лишь совокупность общепринятых традиционных правил, но использование языка подчиняется якобы не столько им, сколько правильному, рациональному, или логическому, мышлению.

Когда лингвисты смогли научно и критически исследовать большое число языков, совершенно различных по своему строю, их опыт обогатился, основа для сравнения расширилась, они столкнулись с нарушением тех закономерностей, которые до того считались универсальными (...).

Было установлено, что основа языковой системы любого языка (иными словами, грамматика) не есть просто инструмент для воспроизведения мыслей. Напротив, грамматика сама формирует мысль, является программой (**матрицей – М.А**) и руководством (**оператором – М.А.**) мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза.

Формирование мыслей - это не независимый процесс, строго рациональный в старом смысле этого слова, но часть грамматики того или иного языка и различается у различных народов в одних случаях незначительно, в других - весьма существенно, так же как грамматический строй соответствующих языков.

Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном - языковой системой, хранящейся в нашем сознании.

Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы - участники «соглашения», предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка. Это соглашение, разумеется, никак и никем не сформулировано и лишь подразумевается, и, тем не менее, мы - участники этого соглашения; (...)

(...) Даже сравнительно простой акт восприятия в значительно большей степени, чем мы привыкли думать, зависит от наличия определенных социальных шаблонов, называемых словами. Так, например, если нарисовать несколько десятков линий произвольной формы, то одни из них будут восприниматься как "прямые" (straight), другие - как "кривые" (crooked), "изогнутые" (curved) или "ломаные" (zigzag) потому только, что сам язык предполагает такое разбиение в силу наличия в нем этих слов. Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества.

Это обстоятельство имеет исключительно важное значение для современной науки, поскольку из него следует, что никто не волен описывать природу абсолютно независимо, но все мы связаны с определенными способами интерпретации даже тогда, когда считаем себя наиболее свободными. Человеком, более свободным в этом отношении, чем другие, оказался бы лингвист, знакомый с множеством самых разнообразных языковых систем. Однако до сих пор таких лингвистов не было. Мы сталкиваемся, таким образом, с **новым принципом относительности**, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем.

Этот поразительный вывод не так очевиден, если ограничиться сравнением лишь наших современных европейских языков да еще, возможно, латинского и греческого. Системы этих языков совпадают в своих существенных чертах, что на первый взгляд, казалось бы, свидетельствует в пользу естественной логики.

Но это совпадение существует только потому, что все указанные языки представляют собой индоевропейские диалекты, построенные в основном по одному и тому же плану и исторически развившиеся из того, что когда-то давно было одной речевой общностью; сходство упомянутых языков объясняется, кроме того, тем, что все они в течение долгого времени участвовали в создании общей культуры, а также тем, что эта культура во многом, и особенно в интеллектуальной области, развивалась под большим влиянием латыни и греческого.

То, что современные китайские или турецкие ученые описывают мир, подобно европейским ученым, означает только, что они переняли целиком всю западную систему мышления, но совсем не то, что они выработали эту систему самостоятельно, с их собственных наблюдательных постов...

Рассмотрим несколько примеров. В английском языке мы распределяем большинство слов по двум классам, обладающим различными грамматическими и логическими особенностями.

Слова первого класса мы называем существительными (ср., например, house "дом", man "человек"); слова второго — глаголами (например: hit "ударить", run "бежать"). Многие слова одного класса могут выступать еще и как слова другого класса (например: a hit "удар", a run "бег" или to man the boat "укомплектовывать лодку людьми, личным составом"). Однако, в общем, граница между этими двумя классами является абсолютной.

Наш язык дает нам, таким образом, деление мира на два полюса. Но сама природа совсем так не делится. Если мы скажем, что strike "ударять", turn "поворачивать", run "бежать" и т.п. - глаголы потому, что они обозначают временные и кратковременные явления, то есть действия, тогда почему же fist "припадок" — существительное? Ведь это тоже временное явление! Почему lightning "молния", spark "искра", wave "волна", eddy "вихрь", pulsation "пульсация", flame "пламя", storm "буря", phase "фаза", cycle "цикл", spasm "спазм", noise "шум", emotion "чувство" и т. п. - существительные? Все это временные явления.

Если man "человек" и house "дом" - существительные потому, что они обозначают длительные и устойчивые явления, то есть предметы, тогда почему bear "держаться", adhere "твердо держаться, придерживаться", extend "простирается", project "выдаваться, выступать", continue "продолжаться, длиться", persist "упорствовать, оставаться", grow "расти", dwell "пребывать, жить" и т. п. - глаголы?

Если нам возразят, что possess "обладать", adhere "придерживаться" - глаголы потому, что они обозначают скорее устойчивые связи, чем устойчивые понятия, почему же тогда equilibrium "равновесие", pressure "давление", current "течение, ток", peace "мир", group "группа", nation "нация", society "общество", tribe "племя", sister "сестра" или другие термины родства относятся к существительным?

Мы видим, что определить явление, вещь, предмет, отношение и т. п., исходя из природы, невозможно; их определение всегда подразумевает обращение к грамматическим категориям того или иного конкретного языка.

В языке хопи "молния", "волна", "пламя", "метеор", "клуб дыма", "пульсация" - глаголы, так как все это события краткой длительности и именно поэтому не могут быть ничем иным, кроме как глаголами. "Облако" и "буря" обладают наименьшей продолжительностью, возможной для существительных. Таким образом, как мы установили, в языке хопи существует классификация явлений (или лингвистически изолируемых единиц), исходящая из их длительности, нечто совершенно чуждое нашему образу мысли.

Однако удивительнее всего то, что различные широкие обобщения западной культуры, как, например, время, скорость, материя, не являются существенными для построения всеобъемлющей картины вселенной. Психические переживания, которые мы подводим под эти категории, конечно, никуда не исчезают, но управлять космологией жгут и иные категории, связанные с переживаниями другого рода, и функционируют они, по-видимому, ничуть не хуже наших.

Хопи, например, можно назвать языком, не имеющим времени. В нем различают психологическое время, которое очень напоминает бергсоновскую "длительность", но это "время" совершенно отлично от математического времени T , используемого нашими физиками.

В не знающем времен языке хопи глагол не различает настоящее, прошедшее или будущее события, но всегда обязательно указывает, какую степень достоверности говорящий намеревается придать высказыванию: а) сообщение о событии (ситуации 1, 2 и 3 на рисунке), б) ожидание события (ситуация 4), в) обобщение событий или закон (ситуация 5).

Таким образом, вселенную можно описать, не прибегая к понятию измеряемого времени. А как же будет действовать физическая теория, построенная на этих основах, без T (время) в своих уравнениях? Превосходно, как можно себе представить, хотя, несомненно, она потребует иного мировоззрения и, вероятно, иной математики. Разумеется, понятие V (скорость - velocity) также должно будет исчезнуть. В языке хопи нет слова, полностью эквивалентного нашему слову "скорость" или "быстрый".

(...) Поразительное многообразие языковых систем, существующих на земном шаре, убеждает нас в невероятной древности человеческого духа; в том, что те немногие тысячелетия истории, которые охватываются нашими письменными памятниками, оставляют след не толще карандашного штриха на шкале, какой измеряется наш прошлый опыт на этой планете; в том, что события этих последних тысячелетий не имеют никакого значения в ходе эволюционного развития; в том, что человечество не знает внезапных взлетов и не достигло в течение последних тысячелетий никакого внушительного прогресса в создании синтеза, но лишь забавлялось игрой с лингвистическими формулировками и мировоззрениями, унаследованными от бесконечного в своей длительности прошлого. (...)

В исследованиях Э. Бенвениста этой теме посвящено много места. В частности он показывает, что в некоторых мировых языках невозможна субстантивация глаголов существования, и, следовательно, просто невозможно самостоятельное (то есть не привнесенное извне) образование такой универсалии как «бытие» в том смысле, к которому мы привыкли. То, с чего началась философия в античной Греции, и то, что до сих пор является предметом чуть ли не главного философского интереса, на самом деле зависит от языковой структуры.

Бенвенист в специальной статье показал, что категории, выведенные Аристотелем, не являются универсальными категориями мышления, а прямо зависят от структуры древнегреческого языка³.

³ Э. Бенвенист Категории мысли и категории языка. В кн. Э.Бенвенист Общая лингвистика. Стр.104-114

Итак, проблема принимает следующий вид. Целиком признавая, что мысль может восприниматься, только будучи оформленной и актуализованной в языке, следует поставить вопрос: есть ли у нас основания признать за мышлением какие-либо особые свойства, которые были бы присущи только ему и которые ничем не были бы обязаны языковому выражению? Мы можем описать язык ради него самого. Точно так же надо было бы добираться и непосредственно до мышления. Если бы можно было определить мысль перечислением исключительно ей присущих признаков, мы тотчас увидели бы, как она соединяется с языком и какова природа отношений между ними.

Представляется удобным приступить к решению проблемы исходя из «категорий», играющих посредствующую роль между языком и мышлением. Они предстают не в одном и том же виде в зависимости от того, выступают ли они как категории мышления или как категории языка. Само это расхождение уже может пролить свет на сущность и тех и других. Например, мы сразу отмечаем, что мышление может свободно уточнять свои категории, вводить новые, тогда как категории языка, будучи принадлежностью системы, которую получает готовой и сохраняет каждый носитель языка, не могут быть изменены по произволу говорящего. Мы видим и другое различие, заключающееся в том, что мышление стремится устанавливать категории универсальные, языковые же категории всегда являются категориями отдельного языка. Все это на первый взгляд как будто подтверждает положение о примате мышления над языком и его независимости от языка.

Однако мы не можем и далее, подобно многим авторам, рассматривать эту проблему в столь общей форме. Мы должны обратиться к конкретной истории и анализировать вполне определенные языковые и мыслительные категории. Только при этом условии нам удастся избежать субъективных точек зрения и умозрительных решений. К счастью, мы располагаем как будто специально подготовленными для нашего анализа данными, объективно обработанными и представленными в хорошо известной системе: это категории Аристотеля. Мы позволим себе, не вдаваясь в специально философскую сторону вопроса, рассмотреть эти категории просто как перечень свойств, которые греческий мыслитель считал потенциальными предикатами любого объекта и, следовательно, рассматривал как набор априорных понятий, организующих, по его мнению, опыт. Для наших целей этот источник представляет огромную ценность.

Напомним сначала основной текст, содержащий самый полный перечень этих свойств, числом десять («Категории», гл. IV ¹):

«Каждое из выражений, не входящих в какую-нибудь комбинацию, означает: или *субстанцию*; или *сколько*; или *какой*; или *в каком отношении*; или *где*; или *когда*; или *в каком положении*; или *в каком состоянии*; или *делать*; или *подвергаться действию*. Обычно «субстанция» — это, например, «человек», «лошадь»; «сколько» — например, «два локтя», «три локтя»; «какой» — например, «белый», «образованный» («сведущий в грамматике»); «в каком отношении» — например, «вдвое», «вполовину», «больше»; «где» — например, «в Ликее», «на площади»; «когда» — например, «вчера»,

Теперь список из десяти категорий можно переписать в терминах языка. Каждая из категорий приводится в соответствующем обозначении, после которого дается его эквивалент: οὐσία («субстанция»), имя существительное; ποσόν, ποῖόν («какой; в каком количестве»), прилагательные, образованные от местоимений, тип лат. qualis и quantus; πρός τι («в каком отношении»), сравнительная степень прилагательного; ποῦ («где»), ποῦτέ («когда»), наречия места и времени; κεῖσθαι («находиться в [каком-либо] положении»), средний залог; εἶναι («находиться [в каком-либо]

состоянии»), перфект; ποιεῖν («делать»), активный залог; πάσχειν («испытывать [воз]действие; терпеть»), пассивный залог.

Разрабатывая перечень этих категорий, Аристотель ставил своей целью учесть все возможные в предложении предикаты, при условии, что каждый термин имеет значение в изолированном употреблении, а не в составе *συμπλοχῆς*, то есть, говоря современным языком, синтагмы. Неосознанно он принял в качестве критерия эмпирическую обязательность особого *выражения* для каждого предиката. Таким образом, сам того не желая, он неизбежно должен был возвратиться к тем различиям, которые сам язык выявляет между основными классами форм, потому что эти классы и формы как раз и имеют языковое значение только благодаря разнице между ними. Он полагал, что определяет свойства объектов, а установил лишь сущности языка: ведь именно язык благодаря своим собственным категориям позволяет распознать и определить эти свойства.

Итак, мы получили ответ на вопрос, который поставили в начале и который привел нас к этому результату. Какова природа отношений между категориями мысли и категориями языка? В той степени, в какой категории, выделенные Аристотелем, можно признать действительными для мышления, они оказываются транспозицией категорий языка. То, что можно *сказать*, ограничивает и организует то, что можно *мыслить*. Язык придает основную форму тем свойствам, которые разум признает за вещами. Таким образом, классификация этих предикатов показывает нам прежде всего структуру классов форм одного конкретного языка.

Отсюда следует, что под видом таблицы всеобщих и постоянных свойств Аристотель дает нам лишь понятийное отражение одного определенного состояния языка. Этот вывод можно еще расширить. За приведенной категоризацией, за аристотелевскими терминами проступает всеобъемлющее понятие «бытие». Само не будучи предикатом, «быть» является условием существования всех названных предикатов. Все многообразие свойств: «быть таким-то», «быть в таком-то состоянии», всевозможные аспекты «времени» и т. д. — зависит от понятия «бытие». Однако и это понятие отражает весьма специфическое свойство языка. В греческом языке не только имеется глагол «быть» (отнюдь не являющийся обязательной принадлежностью всякого языка), но он и употребляется в этом языке в высшей степени своеобразно. На него возложена логическая функция — функция связки (уже сам Аристотель отмечал, что в этой функции глагол «быть» не означает, собственно говоря, ничего и играет всего-навсего *соединительную роль*). В силу этого глагол «быть» получил более широкий смысл, чем любой другой. Кроме того, благодаря артиклю глагол «быть» превращается в именное понятие, которое можно трактовать как вещь; он выступает в разных обличьях, например как причастие настоящего времени, которое может субстантивироваться и в основном своем виде, и в

некоторых своих разновидностях (τὸ ὄν «сущее»; οἱ ὄντες «сущие»; τὰ ὄντα «подлинно сущее; истинное бытие» (у Платона); он может служить и предикатом к самому себе, как в выражении τὸ τὶ ἦν εἶναι, указывая на идею-сущность какой-либо вещи, не говоря уже о поразительном многообразии конкретных предикатов, с которыми он образует конструкции при помощи предлогов и падежных форм... Его разнообразнейшие употребления можно перечислять без конца, но тогда речь идет уже о фактах языка, синтаксиса, словообразования. И это следует подчеркнуть, ибо только в таких своеобразных языковых условиях могла зародиться и расцвести вся греческая метафизика «бытия», и великолепные образы поэмы Парменида, и диалектика платоновского «Софиста». Разумеется, язык не определял метафизической идеи «бытия», у каждого греческого мыслителя она своя, но язык позволил возвести «быть» в объективируемое понятие, которым философская мысль могла оперировать, которое она могла анализировать и с которым могла обращаться, как с любым другим понятием.

Мы лучше поймем, что речь здесь идет главным образом о языковом явлении, если рассмотрим, как ведет себя то же самое понятие в другом языке. С этой целью полезно сопоставить с греческим язык совершенно иного типа, так как больше всего языковые типы разнятся внутренней организацией именно таких категорий. Уточним только, что то, что здесь сравнивается, суть факты языкового выражения, а не факты развития сознания.

В выбранном нами для сопоставления языке эве (разговорный язык в Того) понятие, обозначаемое по-французски словом être «быть», распределяется между несколькими глаголами⁵.

Прежде всего, имеется глагол пуэ, который указывает, как мы сказали бы, на тождество субъекта и предиката; он выражает идею être qui, être quoi «быть кем, быть чем». Любопытно, что пуэ ведет себя как переходный глагол, и то, что для нас есть предикат тождества, является при этом глаголе в форме управляемого аккумулятива как прямое дополнение.

Другой глагол, ле, выражает собственно «существование»: Mawu le «бог существует». Но ему свойственно и предикативное применение; ле употребляется с предикатами местоположения, локализации — «быть» в каком-то месте, положении, времени, качестве: e-le пуиэ «il est bien, ему хорошо»; e-le a fi «он здесь»; e-le ho те «он дома». Таким образом, всякая пространственная или временная определенность передается с помощью ле. Однако во всех подобных случаях ле употребляется только в одном времени — в аористе, который выполняет функции и прошедшего повествовательного, и перфекта-настоящего. Если предикативную фразу с ле надо перевести в другое время, например в будущее или время,

обозначающее обычное, часто повторяющееся событие (*l'habituel*), то *le* заменяется переходным глаголом по «пребывать, оставаться»; то есть, чтобы передать одно и то же понятие, требуется два различных глагола в зависимости от употребляемого времени — переходный *le* или переходный *po*.

Глагол *wo* «делать, совершать, производить действие», употребляясь с некоторыми названиями веществ, близок к *être* «быть» в конструкции с прилагательным, обозначающим вещество: *wo plus ke* «песок» дает *wo ke* «быть песчаным»; *plus tsi* «вода» дает *wo tsi* «быть влажным»; *plus kre* «камень» дает *wo kre* «быть каменистым». То качество, которое мы представляем себе как «быть» в явлениях природы, в языке *эве* передается подобно конструкциям французского языка с глаголом «faire»: *il fait du vent* «ветрено».

Когда предикатом является слово, обозначающее должность или сан, употребляется глагол *du*; так, *du fia* «быть королем».

И наконец, при предикатах со значением физического качества, а также состояния идея «быть» выражается глаголом *di*: например, *di ku* «быть тощим», *di fo* «быть в долгу».

Таким образом, практически функциям французского глагола «être» приблизительно соответствуют пять разных глаголов. Здесь имеет место не разделение на пять участков той же семантической зоны, а иная дистрибуция, результатом которой является иная структура всей области, причем это отличие распространяется и на смежные понятия. Например, для француза два понятия — *être* «быть» и *avoir* «иметь» — столь же различны, как и выражающие их слова. Но в языке *эве* один из упоминавшихся глаголов, глагол существования *le*, в конструкции с *asi* «в руке» образует выражение *le asi* — в буквальном переводе «быть в руке», самый употребительный эквивалент французского *avoir*: *ga le asi-nye* «j'ai de l'argent» (букв. «деньги в моей руке»), «у меня деньги».

Описание этих фактов языка *эве* содержит долю искусственности. Оно сделано с точки зрения французского языка, а не в рамках самого исследуемого языка, как подобало бы. В языке *эве* эти пять глаголов ни морфологически, ни синтаксически друг с другом никак не связаны. И нечто общее в них мы находим только на основе своего собственного языка — французского. Но в этом и состоит преимущество такого «эгоцентрического» сравнения: оно объясняет нам нас самих; оно показывает нам, что многообразие функций глагола «быть» в греческом языке представляет собой особенность индоевропейских языков, а вовсе не универсальное свойство или обязательное условие для каждого языка. Конечно, греческие философы в свою очередь воздействовали на язык, обогатили его содержательную сторону, создали новые формы. Ведь именно из философского осмысления «быть» возникло абстрактное существительное, производное от *εἶναι* «быть» (инфинитив), и мы можем проследить его историческое становление —

сначала как *ἔσσις* у дорических пифагорейцев и Платона, затем как *ὄσις*, которое и утвердилось. Мы стремимся показать здесь лишь то, что сама структура греческого языка создавала предпосылки для философского осмысления понятия «быть». В языке эве мы находим противоположную картину: узкое соответствующее понятие и его узко специализированные употребления. Мы затрудняемся сказать, какое место занимает глагол «быть» в мирозерцании эве, но в *rgiogi* ясно, что там это понятие должно члениваться совершенно иначе.

Сама природа языка дает основания для возникновения двух противоположных представлений, одинаково ошибочных. Поскольку язык, состоящий всегда из ограниченного числа элементов, доступен усвоению, создается впечатление, что он выступает всего лишь как один из возможных посредников мысли, сама же мысль, свободная, независимая и индивидуальная, использует его в качестве своего орудия. На деле же, пытаясь установить собственные формы мысли, снова приходят к тем же категориям языка. Другое заблуждение противоположного характера. Тот факт, что язык есть упорядоченное единство, что он имеет внутреннюю планировку, побуждает искать в формальной системе языка слепок с какой-то «логики», будто бы внутренне присущей мышлению и, следовательно, внешней и первичной по отношению к языку. В действительности же это путь наивных воззрений и тавтологий.

Без сомнения, не случайно современная эпистемология не пытается построить систему категорий. Плодотворнее видеть в мышлении потенциальную и динамичную силу, а не жесткие структурные рамки для опыта. Неоспоримо, что в процессе научного познания мира мысль повсюду идет одинаковыми путями, на каком бы языке ни осуществлялось описание опыта. И в этом смысле оно становится независимым, но не от языка вообще, а от той или иной языковой структуры. Так, хотя китайский образ мышления и создал столь специфические категории, как *дао*, *инь*, *ян*, оно от этого не утратило способности к усвоению понятий материалистической диалектики или квантовой механики, и структура китайского языка не служит при этом помехой. Никакой тип языка не может сам по себе ни благоприятствовать, ни препятствовать деятельности мышления. Прогресс мысли скорее более тесно связан со способностями людей, с общими условиями развития культуры и с устройством общества, чем с особенностями данного языка. Но возможность мышления вообще неотрывна от языковой способности, поскольку язык — это структура, несущая значение, и мыслить — значит оперировать знаками языка.

Другими словами, сам МИР, в котором мы живем, его объекты, процессы, и структура связаны с первичными операциями, совершаемыми языком. Когда мы его учим в раннем возрасте, не осознавая ни сам язык, ни процесс обучения, он структурирует для нас само пространство нашего существования, типы объективаций, и, что очень важно, ТИПЫ ОЩУЩЕНИЙ, типы восприятий.

Различаем мы это разнообразие ощущений, или восприятий, тоже благодаря языку. Другими словами язык оформляет саму систему нашего жизненного мира, систему различий, в

которой мы живем. И только ПОТОМ, встает вопрос о передаче всего этого в акте сознательной коммуникации.

Именно поэтому, сначала мы, благодаря называнию, отличаем стук, как феномен от всего остального, и только потом начинаем думать, как нам его передать – иллюзорно примитивным «тук-тук», или как-нибудь иначе. ТАКИМ ОБРАЗОМ - ФУНКЦИЯ СТРУКТУРИРОВАНИЯ И ФУНКЦИЯ РАЗЛИЧЕНИЯ – ПЕРВИЧНЫЕ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА. Грубо говоря, ты отличаешь запах лимона от запаха навоза только потому, что тебя в детстве научили языку, в котором ПОИМЕНОВАНО ЭТО РАЗЛИЧИЕ. И так далее. Нельзя сказать, что весь опыт умещается в языке. Дело гораздо серьезнее – САМ ОПЫТ КАК ТАКОВОЙ И ЕГО СТРУКТУРА СУЩЕСТВУЕТ ТОЛЬКО БЛАГОДАРЯ ЯЗЫКУ.

И еще одно следствие из языковых и психолингвистических штудий – мышление может существовать без языка⁴. Мышление животных, например, с их особым, с нашей точки зрения аморфным (это понятие без всякого негативного оттенка) восприятием.

Но СОЗНАНИЕ, с его функцией различения, объективации (а, следовательно, и субъективации), рефлексивностью, возможно ТОЛЬКО НА ОСНОВЕ ЯЗЫКА. И не просто языка, а некоего его особенного региона, имеющего фундаментальную рефлексивную структуру, парадоксальным образом НЕОСОЗНАВАЕМУЮ до того, как человек начинает интересоваться языком как таковым, как предметом исследования.

Этот рефлексивный регион языка – система шифтеров, слов, которые указывают САМИ НА СЕБЯ, при этом являясь как бы «пустыми»⁵. Так устроено местоимение «Я» - оно указывает на само себя в момент его произнесения, и только в этот момент, так как в следующий момент ТО ЖЕ СЛОВО ИСПОЛЬЗУЕТСЯ НАШИМ СОБЕСЕДНИКОМ УЖЕ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ СЕБЯ В МОМЕНТ ПРОИЗНЕСЕНИЯ.

Слово, имя «Я» не имеет фиксированного объектного значения, это значение мгновенно меняется в зависимости от того, кем и когда оно произносится. Также и имя собственное обозначает того, кто это имя носит, то есть невозможно определить имя собственное без логического круга, без ссылки на него самого и на язык.

Таким образом, сначала человек не осознавая, использует рефлексивность, и только затем рефлектирует, СОЗНАЕТ СОЗНАТЕЛЬНО. То есть парадокс задан с самого начала – человек **сознает (работает сознанием) не осознавая эту работу**. Местоимение «Я» и собственные имена сначала действуют таким, почти «автоматическим» образом.

⁴ См. Л. Выготский Мышление и речь. М.2005. Стр.94-97

⁵ Собственное имя это шифтер (см. статью о шифтерах Р.Якобсона). Относительная «пустота» личных местоимений и «абсолютная пустота» фонем и дифференциальных признаков, как мне кажется, каким-то образом структурно и генетически связаны.

Моя гипотеза заключается в том, что чистое различительность и «негативность» меризмов лежит в основе обменной природы личных местоимений.

Только затем местоимение «Я» может подвергаться другим процедурам, в частности дополнительной, вторичной субстантивации (гипостазированию), когда оно, скажем, превращается в философскую категорию в новоевропейской картезианской традиции.

Другими словами, только шифтерность языка создает условия возможности как философской, так и любой другой рефлексии. Причем, в отличие от тех элементов языка, которые относительны, в зависимости от структуры того, или иного языка (см. выше), личные местоимения являются подлинными языковыми универсалиями.

НЕ существует языков без морфологически выделенных личных местоимений, хотя есть языки, в которых, например, не обнаруживается морфологического (только синтаксическое) различие между глаголом и именем существительным, и т.д.

Есть ли принципиальные различия между языками, это довольно старый вопрос о том, что считать принципиальным. В данном случае важно то, что называют языковыми универсалиями, то есть тот слой языка, который общ всем языкам мира. А почти все языки мира сейчас находятся под наблюдением лингвистического сообщества.

Так вот, именно различительные, бинарные и автореферентные (рефлексивные) структуры, то есть структуры фонологические, имена собственные, дейктические (пространственно-временные указатели «вот», «там», «здесь», «сейчас» и пр.) и шифтерные (местоименные) структуры принадлежат к важнейшим языковым универсалиям.

Глагол и имя могут морфологически в некоторых языках не различаться, отношения времени могут быть выражаемы не глаголом, а именем существительным с «временным» аффиксом и т.д. и т.п. Но фонологические бинарные отношения, собственные имена и личные местоимения есть в каждом языке, независимо от его структуры.

Это не только некий эмпирический факт, а факт так сказать «трансцендентальный», то есть входит в сами условия мыслимости человеческого языка как такового. Язык пчел, или любой другой гипотетический язык животных будет отличаться от человеческого тем, что, как, скажем, у пчел, на нем можно передать сообщение о местоположении цветка, **НО НЕЛЬЗЯ ПЕРЕДАТЬ СООБЩЕНИЕ О САМОМ ЭТОМ СООБЩЕНИИ.**

Именно эта метаязыковая способность, фундаментальная рефлексивность языка (эффект «mise en abîme») уникальна и специфична для человека.

Другими словами, **«нет ничего в сознании, чего бы раньше не было в языке».** Подчеркиваю — в сознании. С мышлением дело обстоит, наверное, сложнее. Мышление есть и у

животных. Но животные не уничтожают методично и немотивированно свою среду и себе подобных.

Другими словами, животные – только жертвы лингвистической катастрофы, а человек ее абсурдный носитель. И жертва, и палач одновременно.

Я пытаюсь описать всю историю человека, как разворачивание "лингвистической катастрофы". Это полезно как для стоического принятия позиции "бездны на краю" в которой живет мир, но, в конце концов, и для того, чтобы, не закрывая глаз, видеть, как устроено все на самом деле в прагматических целях.

Необходимо честно отдать себе отчет в человеческой (то есть нашей) перманентной катастрофичности. И не просто констатировать, такая констатация стара как мир, но знать полную структуру катастрофы (особенности) человека, и тем самым иметь в руках инструмент для предотвращения и прогнозирования реальных катастроф, продуцируемых человеком в себе, в социуме, в мире.

Поэтому я ссылаюсь на математическую теорию катастроф (теорию особенностей), без которой ни один корабль не может выйти в море, и ни один летательный аппарат долететь до места назначения.